

Пролог

Старый император умирал. Умирал, оставляя великую империю в один из самых, наверное, важных моментов ее истории - один из тех, когда воля властителя определяет, быть государству триумфатором или побежденным.

Империя вела войну. Войну тяжелую, высасывающую из казны деньги со скоростью лесного пожара - но войну нужную, войну необходимую. Лимес - укрепленную границу Римского государства - жизненно необходимо было отодвинуть подальше, дабы варварские вторжения более не могли угрожать центральным провинциям.

Маркоманны, сарматы и их союзники были обязаны проиграть и подчиниться, став еще одним пунктом в длинном списке покоренных квиритами народов. И пусть они этого еще не знали, но именно их поражение могло стать тем фундаментом, утвердившись на котором Рим стал бы попросту непобедим.

Умиравший император, "отец отечества", как называл его сенат, это понимал. Понимал всю необходимость завершения этой тяжелой войны. Завершения победой, триумфом, никак не беззубым миром. И ничто не терзало его сердце сильнее, чем осознание того, что он бросает государство в такой важный момент.

Марк Аврелий оставлял империю сыну, молодому и неопытному Луцию Коммоду. И, пусть тот и был умен не по годам, нравился народу, легионам и даже многим сенаторам, Марк боялся, что сын не сумеет победить искушения той огромной власти, что вскоре ему достанется. Нет, отец верил в него, верил в то, что верные соратники помогут парню справиться - но нет-нет, да и закрадывался в душу властителя великого государства червячок сомнения и страха. Что, если Луций не преуспее в борьбе с собственными страстями и слабостями? Что же тогда ждет империю?

Ведь сенат не хочет вести войну. Не хочет давать на нее деньги - совершенно демонстративно не обращая внимания на действия самого императора. Даже когда он продавал золотую посуду из собственного дворца, сенаторы не дали на войну ни песчинки золота...

Сумеет ли Коммод то, что не удалось его отцу? Сумеет ли как-то обойти цинизм и наглость сенаторов, победить в войне и не стать при этом тираном?

Будучи одним из ярчайших представителей стоицизма, "стойком до мозга костей", Марк Аврелий верил в то, что всякие причины успехов и неудач следует искать в себе самом. В своих ошибках, деяниях, мыслях. Но в этот самый момент, на смертном одре, на пороге самой, что ни на есть, неизвестности, в момент страха и ужаса, он проиграл борьбу самому себе и взмолился всем известным ему богам, прося их помощи и покровительства. Взмолился так яростно, так истово, так искренне, как только может это делать столь великий человек.

Старый император умирал. Умирал, не зная, что будет с империей, служению которой он отдал всю свою жизнь и все свои силы. Умирал, не зная, услышаны ли его мольбы.

"Философ на троне" понятия не имел, что история изменилась задолго до этого момента.

Глава 1

Луций Элий Аврелий Коммод, ставший властителем огромного государства всего-то в девятнадцать лет, узнал о смерти отца достаточно быстро - уже через несколько дней - и принял эту истинно печальную весть достойно, как и полагается настоящему римлянину, благородному сыну благородного отца.

Друг и соратник молодого императора, Марк Сергей Максим, будучи старше всего-то на два года, ледяному спокойствию римского владыки ничуть не удивился. Коммод с детства, лет эдак с десяти отличался необычайным умом, хладнокровием и силой характера. Видимо, "благословение Юпитера" наложило свою тень.

Немногим была известна та история, но Марк оставался одним из тех людей, кто знал ее достаточно неплохо, поскольку его отец был одним из самых близких людей великого Аврелия.

Мальчишкой, Коммод поругался с одним из своих греческих наставников и убежал из дома во двор, под дождь. О чем они спорили, Максим не знал, но то, что в тот день бушевала гроза, и будущего властителя империи ударило молнией, было весьма распространенной информацией. Интересно другое - Коммод выжил, хоть и провалялся в постели почти месяц, странно бредя и разговаривая на неизвестных никому языках.

А потом, в один прекрасный солнечный день очнулся от своего полусна и встал. Встал другим человеком. Пообщался со "знанием". Так свой болезненный опыт назвал десятилетний ребенок. И первое время он вел себя довольно странно, из разговорчивого мальчишки превратившись в серьезного юношу.

Как бы то ни было, радости Аврелия не было пределов - ибо многие из его детей умирали от болезней и несчастий. Любовь его к сыну только выросла, чем Коммод и не преминул воспользоваться.

Парнишка, ставший настоящим любителем лошадей, требовал себе не маленьких римских лошадок - но нисейских коней из далекой Персии, красавцев, носящих на себе катафрактов. И, несмотря на огромные цены, получал желаемое. Всего через несколько лет юноша был обладателем нескольких стремительно растущих конезаводов, приносящих неплохие деньги.

Впрочем, конезаводы были не единственным увлечением парня, и другие его задумки и предприятия выглядели весьма неплохо - если и хуже конезаводов, то не намного. Так он демонстрировал отцу, что на уроках слушал наставников более чем внимательно и его образование вполне достойно сына императора.

Доказывая это самым разным образом - не только разводя коней или управляя поместьями - Луций попробовал себя и в философии и науке, высказав несколько воистину интересных дополнений к теории движения планет, объясняющих смену дня и ночи и следование зимы за летом. Более того, на этом молодой мыслитель не остановился и создал целую систему исчисления, которую назвал "позиционной". Она была настолько стройна и удобна, настолько сложна и проста одновременно, что до невозможности восхитила Аврелия и мигом породила целую бурю споров в академических кругах римских мыслителей.

Коммод так растрогал этим отца, прозванного "философом на троне", что получил от него титул соправителя - а ведь на тот момент парнишке было-то всего лишь шестнадцать лет... Воистину, уже тогда в юноше можно было разглядеть признак будущего величия и увидеть черты таких титанов, как Август или Цезарь.

Как бы то ни было, известие о смерти отца настигло его в войсках, ведущих тяжелые бои. Германцы сражались из последних сил, но и римская армия была истощена. Империя находилась в очень тяжелой ситуации - по провинциям прокатилась чума, налоговые поступления падали, в армию пришлось набирать уже и гладиаторов, и даже рабов... Народ устал, причем не только простой - элита устала не меньше. Всё, буквально всё кричало о том, что надо заканчивать эту войну как можно скорее.

- Сенат считает, что нам следует срочно заключить с германцами мир, - посланник римской аристократии, один из влиятельнейших людей империи, префект Таррутений Патерн склонил голову. - Мы истощены, провинции волнуются и того и гляди начнут восставать.

Префект прибыл в войска удивительно быстро - казалось, в Риме о смерти Аврелия узнали чуть ли не быстрее, чем в Маркоманнии.

Коммод выслушал Патерна стоя. Но смотрел на небеса. Там в вышине парил орел, и именно за его полетом следовал взгляд Луция. За последние полчаса он не проронил ни слова.

- Мы попросту не можем далее сражаться, мой император, - Таррутений был сама любезность. - Нам надо заключить мир, пока Рим еще может сражаться. Так мы получим больше.

Вместо ответа Коммод извлек из ножен на поясе длинный кинжал, с которым не расставался практически никогда, и начал его подбрасывать, каждый раз ловя за рукоятку.

Патерн, чувствуя себя все более неловко - молчание затягивалось - недоуменно оглянулся, пытаясь найти поддержку у окружающих.

- Мой добрый друг Тиберий, что скажешь ты об этом, несомненно, интересном предложении? - Префекта не обманул добрый голос молодого правителя. Долгие годы общения с сенаторами научили его слышать самые незаметные намеки. Император был недоволен.

- Я. Считаю. Это. Изменой, - Тиберий Клавдий Помпеян, один из лучших военачальников Марка Аврелия, лишь из-за интриг борющихся между собою группировок не ставший преемником императора, произнес эту фразу как приговор. Он яростно мотнул головой и сжал руку в кулак, всем своим видом демонстрируя несогласие.

- Изменой? - в голосе Коммода послышалось удивление. Он даже повернулся к стоящему рядом полководцу.

- На грани измены, - поправился старый генерал. - Мы почти победили. Еще два, может три года - и они не смогут более сражаться. И это в самом худшем для нас случае.

- Если только мы не падем раньше, - префект не собирался сдаваться так просто. В конце концов, от успеха этого мероприятия зависело очень многое в римских раскладах. - Несомненно, наши легионы сильны. Но нам нужна передышка. Еще три года такой войны - и Рим не выдержит. Уже сейчас многие провинции на грани бунта. Я боюсь даже представить себе, что может произойти, если мы... Вы, мой император, не остановите этот кошмар.

То, как Таррутений Патерн произнес "Вы" сделало бы честь любому актеру. Будучи опытным политиком, он знал, как оттенками голоса передать восхищение, тревогу и мольбу одновременно. И был уверен, что Коммод поддастся его убеждениям.

Самого императора префект за серьезного противника не считал. Мальчишка - он и есть мальчишка. Вот Помпеян - это гораздо хуже. Опытный и авторитетный вояка мог выпить

немало крови. Но и конфликтовать с ним префект не хотел и не собирался.

- А как считаешь ты, Марк, - Коммод повернулся к Максиму и склонил голову, словно жаждал услышать ответ от своего друга и телохранителя.

Марк не ожидал вопроса. Нет, у него было свое мнение - но он не ждал, что оно заинтересует правителя вот так публично, пусть даже тот и был ему другом детства... Однако, вопрос прозвучал, и сейчас несколько взоров прожигали парня насквозь.

Глубоко вдохнув, Максим начал говорить.

- Луций, ты знаешь мою позицию. Я скажу то, что думаю, даже если тебе или кому-то это не понравится. Или промолчу.

Коммод кивнул. На самом деле, за такой вот взгляд на жизнь он особенно ценил своего товарища. Тот не бросал пыль в глаза, говорил как есть - и порою это было очень полезно.

- Я знаю, друг. Говори.

- Мы деремся с варварами уже не первый год. На самом деле, эта война - одна из тяжелейших в истории Рима. Мы деремся с сильным, смелым и умелым врагом. И мы - побеждаем, - после этих слов настороженный и жесткий взгляд Помпеяна, смотревшего на Марка с подозрением, смягчился. А вот в глазах префекта мелькнула ненависть. Мелькнула - и пропала. Никто не обратил на это внимания. Зря.

- Если мы остановимся сейчас, в нескольких шагах от победы - мы проиграем. Поскольку это будет значить, что все наши жертвы были напрасны. Если же Рим проявит твердость - я уверен в нашей победе, - Марк замолк на несколько секунд. Затем усмехнулся и развел руками:

- В конце концов, это же варвары. Мы что, отступим перед ними?

Патерн, видя, что Коммод согласно кивает головой, поспешил вмешаться:

- Это не поражение!!! Мы просто передохнем, а затем все равно получим свое! Нет никакого смысла завершать все это сейчас!

- Есть! - Тиберий не собирался оставаться в стороне от спора. Громыхнув доспехом, он врезал кулаком по столу. - Мы уже строим здесь крепости. Провинции Маркоманния и Сарматия скоро станут реальностью. Надо просто дожать...

- Это не "просто дожать"! - префект перебил генерала. - На какие деньги мы будем вести эту войну еще три года?! На какие, скажите мне, деньги? На ваши, Тиберий? Казна пуста!

- Так, быть может, сенаторы помогут ее наполнить? - вкрадчиво поинтересовался Коммод. И, хотя свой вопрос он задал очень негромко, прозвучал тот подобно громовому раскату. - В конце концов, можно считать это весьма патриотичным и выгодным вложением...

Патерн, на секунду потерявший над собою контроль, с ужасом подумал, что именно этого в Риме и боялись больше всего. Марк Аврелий, "добрый император", "отец отечества", "философ на троне" - он избегал легких и простых путей. Он стал портить монету, переплавлял золотую посуду из своих дворцов, назначал специальных ответственных за сбор налогов в провинциях... Но не трогал состояния сенаторов и магнатов. Он их уважал. Коммод... Коммод еще юноша - и как любой юноша радикален. Если ему будет не хватать денег, он возьмет их там, где найдет,

где будет удобнее и быстрее. И где же в Римской империи есть такое место? Сенат приходит на ум первым, не так ли?

Тем не менее, Патерн был опытным политиком, и, понимал, что пытаться переубедить молодого императора сейчас можно даже и не пытаться. Тот уступать не будет - это же первое его решение, да еще и принятое публично, и он в любом случае, просто из мальчишеского упрямства, откажется менять свое мнение. Значит, надо пойти в обход. Согласиться на частичное продолжение войны, отложить решение на чуть более позднее время, и только после этого попробовать снова воздействовать на мальчишку. Ну а если он будет противиться... Что ж, всегда есть вероятность несчастья. Смертельного.

Правда, последнее префекта пугало до дрожи. Сын Аврелия был компромиссной фигурой для многочисленных клик, борющихся за власть. Это прекрасно понимал старый император - потому-то всерьез никто и не возражал против мальчишки на троне. Коммод устраивал все стороны. Но если его убрать... Может случиться все, что угодно. Вплоть до гражданской войны.

Как бы то ни было, сейчас у Патерна особенного выбора не находилось.

- Как мне кажется, мой император, в любом случае, прежде чем решать вопросы войны, нам следует решить вопросы мира. Наш долг состоит в том, чтобы достойно проводить вашего отца. Рим и империя истинно скорбят по столь великому и благородному мужу.

Коммод неопределенно кивнул. Префект вздохнул, изображая глубокую печаль.

- Я полагаю, вы должны вернуться в Рим...

- Нет, - решительный ответ императора, даже не давшего Патерну закончить предложение, удивил всех. - Мое место - в войсках. Легионы также скорбят по моему отцу. Они сражались вместе с ним и заслужили видеть, как я скорблю вместе с ними. Рим подождет.

"Достойный ход, - Марк и Тиберий подумали практически одно и то же. - Этим самым он увеличит свою популярность в легионах, и покажет народу, что даже под таким удобным предлогом не бросит свой пост... И этим заработает уважение плебса..."

- Но часть пленных, захваченных в последних боях, будет отправлена в Город. Пусть в амфитеатре Флавиев проведут Игры. Пусть варвары проливают свою кровь.

"Собственно, не только уважение - но и любовь плебса", - закончил мысль Марк.

- Мой господин, - в шатер Коммода бочком протиснулся солдат. В руках он держал свернутый свиток. - Срочное послание...

- От Антемия, - Тиберий уже отобрал свиток у солдата и, мельком взглянув на печать, передал его императору.

Коммод, приняв свиток, пробежал его глазами, а затем, подняв голову, попросил всех оставить его.

- Мне нужно время для размышлений. Мы продолжим беседу завтра утром.

День молодого императора последние годы начинался абсолютно одинаково. Коммод

просыпался незадолго до первых лучей Солнца, обливался холодной водой и выпивал стакан воды. Некоторое время посвящал дыхательным упражнениям, после которых час или полтора разминался.

Нынешнее утро прошло точно также. Старый центурион, проверяющий часовых, только лишь уважительно кивнул, увидев отжимающегося Коммода. Рядом, как всегда, торчал неизменный Максим.

- Марк, друг мой, разомнемся с клинками или лучше поборемся? - Вопрос заставил задуматься. В конце концов, соратник и телохранитель императора предложил борьбу. Как-никак, после известия о смерти родного отца Луций может лишний раз допустить опрометчивость в поединке и, пусть острия мечей будут затуплены, лучше не рисковать...

- Борьба так борьба, - Коммод кивнул и начал стаскивать с себя доспех. В рассветном свете он выглядел слово герой древних мифов - высокий статный красавец, с благородными чертами лица, стройным телом и широкими плечами. И плавными движениями опасного хищника - сняв кирасу, Коммод одним движением перетек в начальную стойку.

Центурион невольно засмотрелся. Он был старым солдатом, многое повидавшим на своем веку и большую часть жизни проведшим в легионе. И сейчас молодой император и его друг, схватившиеся в дружеском поединке, выглядели так, будто сам Марс приложил к ним руку. Мощь, чувствующаяся в каждом их движении, восхищала и завораживала.

"Нам бы таких рекрутов - и германцы подчинились бы уже давно", - мысль в голову вояки пришла сама собой. Вот Максим ошибся и, взмахнув руками, перелетел через Коммода, тяжело рухнув на землю. Сгруппироваться у него не получилось - не дал император. Еще мгновением спустя переместившийся чуть в сторону Коммод легонько стукнул соперника по колену. Если бы он ударил в полную силу, то Марк уже никогда не смог бы ходить.

- Соберись, друг, - император протянул товарищу руку. Тот не спешил ее брать, пытаясь прийти в себя.

- Кха, - наконец, воспользовавшись предложенной помощью, Максим поднялся на ноги.

- Удачный бросок, Луций. Ты был исключительно быстр.

- Оставь эти славословия, Марк. Ты просто ошибся, я увидел и воспользовался. Не больше и не меньше.

Спорить Марк не стал.

- Еще разок?

Ответить Максим не успел - рядом с императорским шатром появился Помпеян. Старый военачальник был гладко выбрит, одет в доспех и выглядел весьма решительно.

- Доброго тебе утра, Тиберий, - поприветствовал Коммод своего полководца. - Уже спешишь на мой совет? Я бы послал за тобой...

- Я хотел бы обсудить вопросы продолжения войны, мой император.

Вместо ответа Коммод кивнул легату на свой шатер, предлагая высказывать свои мысли внутри.

- Пройдем, Тиберий. У меня тоже есть идеи. Возможно, мы найдем решение, устраивающее всех.

- Таких не бывает, мой император. Всегда есть недовольные. Просто потому, что очень часто люди хотят противоположного.

- Ты считаешь, что продолжать войну - необходимо. Таррутений считает иначе, - Коммод уже застегнул на себе пояс с ножнами и вновь вытащил любимый кинжал. - И вы оба правы.

Внутри походного шатра императора было весьма уютно. Не так много вещей напоминало о том, что они находятся в полевом лагере наступающей римской армии. Меха, шелк, выделанная кожа... Коммод не отказывал себе в комфорте, отличаясь этим от своего отца. Нет, при необходимости он с легкостью бы обошелся и без всей этой роскоши, но в данный момент император не видел в аскетизме смысла.

Усевшись на стул и пригласив Помпеяна последовать своему примеру, Луций налил себе в кубок разбавленного лимонного сока.

- Таррутений прав в том, что мы на грани. Казна несет слишком большие потери от этой войны. Ты прав в том, что отсутствие триумфа для нас равнозначно поражению. Чего, естественно, допустить никак нельзя, - в перерывах между рассуждениями Коммод неторопливо опустошал кубок.

- Вы правы. Если мы не победим - мы проиграем. Другого выхода нет. Поэтому мы должны продолжить сражаться, - Помпеян согласно закивал.

Задумавшийся император не обратил на его слова никакого внимания.

- Проблема в том, что нам нужна решительная победа. Но долго вести войну, дабы достичь триумфа, мы не в состоянии. Отсюда вопрос: как нам победить? Точнее, вопрос будет стоять так: как нам победить быстро? Я думал над этим всю ночь, Тиберий. Всю ночь. И вот, что пришло мне в голову. Нам нужно еще несколько легионов здесь. Два или, может, три.

Помпеян снова кивнул, но все-таки возразил:

- У нас нет на это средств, мой император. И нет людей. Мы и так набираем в легионы всякий сброд. Сформировать и вооружить три, даже два новых легиона - это практически невыполнимая сейчас задача. А очередное повышение налогов вызовет бунты в провинциях. И сформированные легионы будут заняты их усмирением... И снова не попадут сюда. Поэтому, мы должны победить тем, что есть сейчас.

Коммод хитро улыбнулся.

- А зачем нам набирать новые легионы? У нас ведь еще много старых... По всей империи. В Галлии, например. Или в Сирии.

- Но Персия...

- А мы не будем забирать оттуда все легионы. Пара когорт оттуда, несколько оттуда, центурия здесь - центурия там... Так мы наберем достаточно сил здесь, не ослабив смертельно наше присутствие на других границах, - Коммод щелкнул пальцами, а затем сжал их в кулак. - А потом мы начнем решительное наступление. И победим.

Помпеян, изначально несколько настороженно отнесшийся к идее императора, подумал, что в принципе рискнуть таким образом можно. В конце концов, прямой и непосредственной угрозы именно сейчас от Персии нет. В Галлии и Британии тоже есть возможность снять некоторое количество солдат.

- Мы уже по максимуму воспользовались перебрасыванием сил... Из Сирии и Британии и так забрали множество солдат. Больше из этого не выжмешь, - после недолгого размышления полководец все еще сомневался.

- Ну, друг мой Тиберий, если даже и не три, то уж два легиона мы с этого получим. В крайнем случае, серьезно ослабим себя в Британии. На недолгий срок.

В шатер заглянул Максим и, дождавшись кивка от Коммода, запустил внутрь Таррутения Патерна.

- А, Таррутений, проходи, мой друг, проходи и присаживайся, - замерший у входа префект благодарно кивнул и прошествовал к столу. - А мы с Тиберием как раз обсуждали, где нам взять дополнительные силы. Дабы сократить времена военных трудностей для нашей любимой империи.

В вычурности слов молодого императора Патерн не запутался и все же заметил, что войну Коммод прекращать не собирается. По крайней мере, вот так сразу. А еще ему очень не понравился тот факт, что Тиберий Помпеян пришел к шатру властителя римского государства раньше него. И, очевидно, успел повлиять на юношу.

- Я еще раз вынужден сказать, мой император, что казна истощена. Нам скоро нечем будет платить солдатам. Воистину, мы не сумеем продержаться еще несколько лет. А набор новых легионов только ускорит крах, никоим образом не решив проблемы, - сдаваться префект все-таки не стал и попытался спасти ситуацию.

- Ох, Таррутений, спасибо за совет. Но я не собираюсь набирать новые легионы. Мне хватит и тех, что уже есть у Рима. А что касается денег... Думаю, наш дорогой Сенат все же должен помочь своим согражданам, ведущим столь тяжелые бои здесь, на границе цивилизованного мира. Думаю, небольшие займы будут восприняты с благодарностью. В конце концов, лучшие граждане империи должны показывать пример всем остальным. Так что, мой добрый друг, в дополнение к организации Игр во славу моего отца, я поручу тебе и эту, столь важную задачу. Сообщи сенаторам о моей просьбе. Убеди их помочь своими кошельками благородному делу.

Патерн, наблюдающий за лицом Коммода, за тем, как спокойно и властно тот практически открытым говорит текстом ему о том, что собирается ограбить Сенат для удовлетворения собственных амбиций, только лишь кивнул. В конце концов, он старался. Теперь судьба мальчишки - вина самого мальчишки и никого больше.

Сам префект прекрасно понимал, как отнесутся сенаторы к просьбе о "займе". Вой будет стоять знатный. И то, что заговор возникнет, было практически неизбежно. Неужели мальчишка этого не понимает? Ну ладно сам Коммод, но ведь Тиберий Помпеян - циничный политикан, опытный солдат - неужели этого не видит он?

И вот тут в голову Патерна пришла следующая мысль, потрясая его своей очевидностью. Именно. Помпеян прекрасно понимает, что сама угроза даже части их состояний, заставит Сенат принимать меры. Быть может, случится даже и восстание против молодого императора.

Вот только легионы - за него. За Коммода, сына великого Аврелия. А значит, любой мятеж

сенаторов подавят. И - как когда-то Нерон - мальчишка отрубит сенаторам голову. А потом заберет их состояния. Обеспечив себе тем самым достаточно средств как для войны, так и для ублажения плебса. Игры - это только первый шаг.

Вспомнив, как относился к боям гладиаторов умерший император, Патерн горько усмехнулся. Какая ирония - в честь доброго и миролюбивого философа будут проливать кровь. Просто, чтобы добиться расположения черни.

И если сенаторы не восстанут открыто, но придумают отравление или убийцу - Помпеяну так будет даже лучше. Просто потому, что тогда он получит власть уже открыто. И резню в Сенате отменять не будет.

Опытный и циничный человек, префект признался себе, что план Тиберия попросту безукоризнен, со всех сторон. Старик действительно хорош, и с ним надо быть настороже. И поддерживать хорошие отношения.

Таррутений Патерн, принявшись заверять императора - и Тиберия Помпеяна - в своей преданности и дружбе, даже и подумать не мог, что эта идея принадлежала вовсе не полководцу, а не достигшему двадцатилетия "мальчишке".

Луций Элий Аврелий Коммод только учился править. И интриговать. Но он всегда был хорошим учеником - и учился весьма быстро. Молодой волк уже умел показывать зубы, пусть этого никто еще пока не видел.

<http://tl.rulate.ru/book/65545/1728402>